
НОВОЕ ДЕЛО
САМОВАРОВОЙ

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

КАРТОННЫЕ СТЕНЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В оформлении переплета использована фотография:

© Aleshyn_Andrei / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Елизарова, Полина.

Е51 Картонные стены / Полина Елизарова. — Москва :
Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-157829-9

Алкоголизм, эгоизм, одиночество, манипуляция чувствами ближних — с этими вполне реальными демонами, столь знакомыми многим, приходится столкнуться бывшему следователю Варваре Сергеевне Самоваровой, которая и сама переживает непростые времена.

В романе ярко и эмоционально выписана история давнишней, выжигающей все вокруг себя страсти.

Могла ли такая страсть довести до преступления? Или все обстоит гораздо проще и исчезнувшая — женщина с расшатанной психикой, которой место в психлечебнице?..

Все это — в новом психологическом триллере Полины Елизаровой «Картонные стены».

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157829-9 © Елизарова П., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Из дневника Алины Р. 17 апреля

Когда они вошли в дом, мне показалось, что даже тополиные пылинки, похожие на крошечные комочки ваты, замерли в воздухе и осторожно, будто не смея нарушить мою радость своими хаотичными перемещениями, начали оседать на полу и мебели.

Конечно, они уже раз сто успели поругаться в дороге. До меня донеслись две фразы: «Перестань гнать, у меня кружится голова», — и: «Помолчала бы, не говори водителю под руку».

Но все это было неважно, потому что поправимо.

Потому что они были вместе, живые.

Это снова был напичканный снотворным сон.

Но в том параллельном и более чем реальном для меня мире, при всей его тревожной недосказанности и вторых смыслах, мне давно уже несопоставимо лучше, чем в этом, куда я вынуждена возвращаться ради Тохи, а теперь еще и из-за того, что хочу освободиться от навязчивых мыслей о В.

Как было бы хорошо, если бы он сдох.

2

— Я вот одного понять не могу, Валер, с чего ты взял, что мне так уж интересно копаться в чужом грязном белье?

Варвара Сергеевна Самоварова, в длинном бархатном халате винного цвета с широким поясом, подчеркивавшим ее тонкую талию, пыталась навести порядок на столе. Терраса, густо увитая плющом, была пристроена к основному дому еще предыдущими владельцами, у которых семья доктора в свое время удачно купила небольшой участок вместе с небольшим, но сделанным по уму домом. На террасе, как, впрочем, и во всем садовом товариществе, расположенном в лесистом, богатом на истории и на известные имена обитавших здесь когда-то жильцов, витал дух столь близкой сердцу Варвары Сергеевны старины. На ее взгляд, старина если и нуждалась в поновлении, то лишь в экстренных случаях, препятствовавших нормальной жизнедеятельности обитателей.

К ее ногам упорно ластился американский керл по кличке Пресли, единственное живое существо, которое Самоварова забрала с собой в новую жизнь. Прочее материальное ее наследство состояло из потертой джезвы, двух тефлоновых ковшей, кое-какой одежды и изящной серебряной пепельницы.

После вечерних упражнений на столике остался нутбук. Там же стояли в мельхиоровых подстаканниках два хрустальных стакана с недопитым травяным чаем. Маленькие изумрудные глазки богини, восседавшей на

пьедестале в центре серебряной пепельницы, искрились презрением — полость под ее ножками была с вечера полна окурков. Еще на столике лежали исчерканные листы, на которых Самоварова, прежде чем перенести на белый компьютерный экран, запечатлела одной ей понятные схемы.

— Когда включаешь этот тон, ты становишься старше лет на десять, — буркнул Валерий Павлович, нетерпеливо дожидавшийся с подносом в руках, когда стол наконец можно накрыть для завтрака. Он уважал причуды любимой (с некоторых пор она решила попробовать себя в писательском ремесле), но не терпел беспорядка.

— Хам! — ответила Самоварова, Впрочем, без всякой злости: аромат свежесваренного кофе, тянувшийся из кофейника, успел настроить ее на позитивный лад.

Через несколько минут на столе с грехом пополам было прибрано, и Валерий Павлович выгрузил с подноса пузатый керамический горшочек с кашей, ложки, тарелки и хлебницу, в которой золотились купленные с вечера в одной из лучших кондитерских города и только что подогретые в микроволновке круассаны.

За время, прожитое с Валерием Павловичем, Самоварова приучила себя есть медленно и не болтать за едой о делах.

Когда с завтраком было покончено, она откинулась на спинку старого плетеного кресла. Из кармана халата достала обтянутый темно-зеленой кожей портсигар, набитый самокрутками, подарок полковника Калининой.

— Давай еще раз, по порядку. Не смотри на меня так, клянусь, это первая папироса!

— Почему я смог, а ты не можешь?

— Потому что это для тебя проблема, а для меня — по-прежнему — удовольствие.

— И трахеит тоже?

— Ну... Это издержки. Лучше подлей мне кофе.

— М-да... Психиатрия перед твоими аргументами бесильна. Если коротко, то обещали разместить на высшем уровне. На участке имеется прекрасный гостевой домик

со своей кухней и — внимание белоручек! — посудомоечной машиной. Само собой, с душем и санузлом. Все это в хорошем коттеджном поселке. Судя по фото, лес там не хуже, чем наш.

— А что у них с жасмином? — Варвара Сергеевна выпустила изо рта щедрую порцию дыма и придвинула к себе кувшин с набранными перед завтраком веточками умопомрачительно благоухающего кустарника.

— Так он сейчас везде, — пожал плечами Валерий Павлович. — И жить ему осталось совсем немного.

Самоварова огорченно поморщилась и вытащила из кувшина ветку:

— Спасибо, капитан Очевидность, можно было и не напоминать... А что насчет Пресли?

— Варя, поверь, это был мой первый вопрос! Все ок. Собаку они завести, к счастью, не успели. Так что будет у нашего чудовища шанс познакомиться с подмосковными мышками.

— Угу... Гладко стелют, да, боюсь, жестко спать.

— С чего ты взяла?

— Интуиция.

— А мне интуиция подсказывает, что за сегодняшнее утро это уже не первая твоя папироса!

— Когда включаешь этот тон, ты становишься старше лет на двадцать.

«Наконец-то!» — едва заметно улыбнулся Валерий Павлович.

В последнее время поведение любимой стало его настораживать. Нет, боже упаси, и речи не могло быть о диагнозе, которым ее травили несколько лет назад сумасшедшие доктора из ведомственной клиники. Никакой шизофрении здесь не было и быть не могло. Но его подруга обладала особой настройкой чувствительности и, как маленький приемник, ловила в пространстве чужие и далеко не всегда позитивные волны. Каким-то непостижимым образом она принимала в себя энергию событий. Если допустить существование временной спирали с неразрывными прошлым и будущим, она была скорее при-

емником, путем случайной (или неслучайной?) выборки выхватывавшим нечто, приходившее к ней через сны.

В том была ее исключительная особенность и одновременно его профессиональное поражение: объяснить данный синдром, дать ему медицинское истолкование Валерию Павловичу так и не удалось. А потому он был только рад, что любимая начала сублимировать эту свою особенность в творчество. То, что она писала, было пугающим и странным, так что он не верил в существование издателя, которого могли бы заинтересовать ее опусы.

Примерно неделю назад Валерий Павлович почувствовал, что Варвара Сергеевна стала «зависать».

Внешне почти ничего не изменилось, поведение ее было обычным, речь осмысленной, но лишенной обычного сарказма. Словно время от времени она перемещалась в другое измерение, вход в которое был для Валерия Павловича закрыт. И то, что она там «слышала» или «видела», отнимало существенную часть ее энергии. И тогда обычно живой, лукавый взгляд вдруг становился похожим на взгляд больного, утомившегося прогулкой или общением.

И вот вчера к ним прилетело...

Лучший друг его сына, Андрей Филатов, обратился к нему с необычной, из ряда вон выходящей просьбой.

— Ладно. Если помнишь, перевозка сломалась, а кто-то так и не удосужился ее починить.

«Значит, все-таки едем». Валерий Павлович не знал, радоваться ему или огорчаться от того, что она решила принять необычное приглашение.

Но он искренне хотел помочь Андрюшке, харизматичному белобрысому троечнику, сумевшему к двадцати годам открыть собственную компанию, а затем вдруг резко сменившему курс: устремившемуся по стопам отца и теперь вот попавшему в скверную ситуацию.

*Из дневника Алины Р.
18 апреля.*

Почти семь лет спустя я снова позволила впустить в себя то, от чего так отчаянно закрывалась все это время.

Я не просто начала вспоминать об этом, а минуту за минутой, действие за действием, стала складывать отжившее в пазл, состоящий из моих вен, артерий, крови, да, сука, боли!!!

Предчувствие? Шизуха?

Что за херня?!

Но почему? (

Так хорошо, как сейчас, в моей жизни не было никогда.

А «хорошо» в ней не было в принципе.

С того я и решила вести дневник...

Мысль о нем посещала меня давно, но что-то останавливало: то ли суеверие, то ли лень, то ли страх, что рано или поздно его найдет мой вездесущий Андрей.

Но сейчас, чувствуя, мне это жизненно необходимо, чтобы попытаться анализировать то, что со мной происходит.

Примерно полтора года назад мы купили дом.

Это случилось осенью. Кажется, в самом конце сентября, но точная дата известна только Андрею, а еще она значится в документах на собственность. Я не люблю

документы. Цифры, обозначения — от них веет моргом и кладбищем. А вот Андрея я все еще люблю, хотя он веч-но чем-то занят, и ему не до меня.

За зиму мужу удалось рассчитаться по кредиту, а по весне, когда еще не до конца исчез поганый мартовский снежок, понеслось...

И моя долгоиграющая зимняя радость быстро сменилась самым настоящим ужасом.

Вместо домика мечты, который мы с Андреем частенько, засыпая, обсуждали, передо мной возникла огромная бетонная коробка!

Вода, электричество и даже газ были уже подведены управляющей компанией поселка, но обои на бетонные стены не приклеишь, да и сколько здесь потребуется обоев, километры?!

Под ногами стелилась мелкая серая пыль, на которой то тут, то там валялись забытые строителями обрезки бруса или арматуры и обломки кирпичей.

С первого на второй, а затем на третий, мансардный этаж, можно было попасть по шатким деревянным лесам. Того и гляди — потеряешь равновесие, поскользнешься и в лучшем случае отделаешься переломом.

Когда мы долезли до мансарды, муж ободряюще хлопнул меня по попе и сказал: «Милая, это тебе! Мой вклад — бабки, твой — работа».

Я должна была выполнить задание из серии: «Поди туда — не знаю куда, найди того — не знаю кого», — и довести весь этот ужас до состояния дворца, пригодного для жизни класса «люкс».

Ладно, хотя бы класса «бизнес»...

У Михалыча сегодня дняха)

Мы с Жанкой подготовили свой вклад: две бутылки хорошей водки, зелень и рыбу, банку огурчиков и большой кусок колбасы.

Шашлык за бригадой.

Подробности ремонта в моей истории очень важны именно потому, что так хорошо, как в этот последний год, повторяюсь, мне не было еще никогда.

Отец Андрея, Андрей Витальевич, много лет занимал солидные государственные посты. Валерий Павлович с ним никогда не соприкасался, но по рассказам сына и самого Андрея у него сложился психологический портрет типичного чиновника: это был пропадавший сутками на службе карьерист с тяжелым характером.

Вероятно, поэтому Андрюшку-мелкого так тянуло в дом друга, хотя многое, если не все, было в нем неправильно.

Отсутствие в доме матери компенсировала закрывавшая глаза на шалости мальчишек бабушка с ее знаменитыми блинчиками, а позже, когда мальчишки окончили школу и предались первым юным загулам, — с рассолом, борщом и спасительной стопочкой домашней самогонки.

Андрей был умен и, что особо привлекало в нем Валерия Павловича, с самого детства мыслил свободно, словно демонстрируя, что он — полная противоположность своему «рамочному» отцу. Частенько, пока сын плескался в душе или копошился в своей комнате, Валерию Павловичу удавалось поболтать с Андрюшкой наедине.

Что в школе, что в институте тот был нацелен не столько на отметку, сколько на получение знаний и опыта.

«Далеко пойдет паренек», — думал про себя Валерий Павлович, глядя на тонкокожее, в легких веснушках лицо.

Этими воспоминаниями он и поделился с Варей, пока «Сапсан» нес их из Петербурга в Москву.

Но про исчезнувшую Андриюшкину жену, кроме имени, ему не было известно ровным счетом ничего.

Лет десять назад Андрей забросил питерский бизнес, переехал в столицу и по протекции отца начал строить карьеру в крупной государственной компании.

Затем, по слухам, оброс связями и снова ушел в свободное плавание, ловко маневрируя между частными предпринимателями и жадными до их денег госслужащими.

Виделись они теперь с сыном Валерия Павловича редко, раза два в год.

Лешка, ушедший «на частные хлеба» по компьютерной части, по-прежнему считал Андрея лучшим и, пожалуй, единственным другом, подозревая, что новые приятели дружат с ним лишь исходя из соображений взаимной «нужности» или по каким-то иным, шкурным интересам.

Несмотря на то, что Андрей не пригласил лучшего друга на столичную свадьбу, несмотря на серый, не соответствовавший его авантюрному характеру строгий пиджак, в котором он «повисал» на экране Лешкиного компа, когда они общались по скайпу, несмотря на запоздалые поздравления с днем рождения, Лешка, в данный момент путешествовавший с девушкой по Дальнему Востоку, горячо попросил отца помочь попавшему в беду другу.

Как только удалось подключить телефон к вайфаю поезда, Варвара Сергеевна тут же полезла в любимую соцсеть. Она попыталась по имени исчезнувшей девушки и фамилии ее мужа найти там кого-то, кто подходил бы под сбивчивое описание, данное Валерием Павловичем с чужих слов.

За четыре часа она так никого и не нашла.

*Из дневника Алины Р.
20 апреля.*

Я много слышала об эксцентричности модных дизайнеров, но такого чуда в перьях не ожидала!

Переговорив с женами приятелей Андрея, я пришла к выводу, что дизайнер — это необходимый первый шаг в моем новом большом проекте.

Креативного и относительно недорогого мне порекомендовала гражданская жена Краба, одного из толстосумов, которых без зазрения совести вот уже пару лет доит мой благоверный. Тварь она, конечно, редкостная, но по части вкуса и бытовой хватки равных ей в нашем окружении нет.

Так появилась дизайнер по имени Жасмин.

В тот период времени, о котором не люблю вспоминать, моя Жанка звалась Клеопатрой, но тогда это было оправданно...

Никакой хотя бы отдаленной ассоциации с нежным дурманным цветком эта чудная, без возраста, деваха не вызывала.

Розовая патлатая челка, сбритые, как у призывника, волосы на затылке, на запястьях — причудливые тату, одетая в бесформенные хламиды, за которые она, как пить

дать, отваливала на распродаже в каком-нибудь «Траффике» или «Le forme» приличные деньги.

Жасмин ездила на стильном джипе «Wrangler» и, даже из вежливости не спрашивая у окружающих разрешения, курила крепкие мужские сигариллы. Если бы не морщины, волнами рассекавшие лоб, если бы не заметный птоз нижней части лица, при правильном освещении ей можно было бы дать не больше тридцатника. Но когда мы встречались по утрам (особенно в понедельник), ее уставшая, со следами бурно проведенных выходных мордила тянула и на полтинник.

Посмотрев еще двух дизайнеров, активно претендовавших на эту роль, я все-таки остановилась на ней, потому что Жасмин, несмотря на имидж городской сумасшедшей, произвела на меня впечатление крепкого профессионала.

И я не ошиблась.

Выехав с электронной рулеткой и планшетом пар тройку раз на объект (как на своем профессиональном жаргоне она окрестила наш дом), Жасмин представила нам в пухлой папочке проект и прислала на почту файл, где мы с мужем смогли увидеть ее задумки в 3D.

На мониторе это выглядело потрясающе!

Даже не верилось, что наш угрюмый монстр из кирпичей и бетона всего через год может превратиться в нарядного, гостеприимного принца.

Андрей сказал, что дизайн-проект, в котором доминировали натуральные материалы и благородные пастельные тона отделки, ему нравится, но подчеркнул, что ставка на Жасмин и претворение этого проекта в жизнь — теперь уже чисто моя ответственность.

И меня охватила настоящая паника!

Ведь нам с Жасмин предстояло приступить к конкретной, не виртуальной работе.

А для этого нам нужен был прежде всего кто?

Угадали, хороший прораб.